

УДК 8

ИМПЛИЦИТНАЯ/ВНУТРЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И СООТНОШЕНИЕ ЕЕ С ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИЕЙ МОЛОДЕЖИ XXI ВЕКА¹

Касаткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, заведующая отделом теории литературы, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва, РФ). E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Внутренняя философия произведений Ф. М. Достоевского оказывается близка современным молодым людям и востребована ими потому, что целью самого Достоевского при написании его произведений было предоставить читателю новые поведенческие паттерны, способствующие переходу человека на иной уровень мышления, бытия и взаимодействия с миром. Эти новые паттерны оказываются чрезвычайно востребованными в современной ситуации стремительно меняющейся картины мира и стремительно меняющегося ощущения человеком своего места в мире. Вопросы, одновременно центральные для творчества Ф. М. Достоевского и главные для жизненного самоопределения молодых людей: 1. Каковы и как строятся отношения человека с миром. Человек зависит от мира или мир от человека? 2. В отношениях человека с миром очевидны ничтожность и бессильность – или всемогущество «маленького» человека? 3. Чем достигается всемогущество? Как можно изменить мир? 4. Что значит «менять мир, меняя себя»? 5. Почему самопожертвование и полная самоотдача (то есть выход за пределы себя) – не ущемление, а расцвет и осуществление моего бытия? Как самоотдача становится способом подключения к другому и к миру и возможностью влиять на другого и мир? 6. Как отдать все, когда у тебя ничего нет? Достоевский отвечает на эти вопросы всем своим творчеством – но прицельно и предметно – в «Дневнике писателя» 1876–1877 годов. Этот «Дневник писателя» и задумывается им как пространство для таких ответов. Но поскольку область, в которой ответы на подобные вопросы могут быть даны, отличается большей «мерностью» от привычной нам «реальности», те тексты «Дневника писателя», в которых ответы на вопросы даются наиболее прямым образом, маркированы так или иначе словом или жанровым определением «фантастические».

Ключевые слова: философия в художественном тексте, читательские потребности, фантастическое, авторский концепт.

IMPLICIT/INTERNAL PHILOSOPHY OF F.M. DOSTOEVSKY'S WORKS AND IT'S CORRELATION WITH THE LIFE ATTITUDE OF THE YOUNG PEOPLE IN THE XXI CENTURY

Kasatkina Tatyana Aleksandrovna, Dr of Philological Sciences, Department Chair of Theory of Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

The internal philosophy of Dostoevsky's works is needed by contemporary young people because the purpose of Dostoevsky himself in his works was to provide the reader with new behavioral patterns which

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) / This scientific investigation was carried out with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

can be used for elevating him to another level of thinking, of being and of interacting with the world. These new patterns are extremely demanded by the young people in the current situation of swiftly changing image of the world and in the current situation of swiftly changing man's feeling of his place and significance in the world. The questions at the same time central for works of Fyodor Dostoyevsky and most important for self-determination of the young people are: 1. What are and how to build man's relationships with the world? Does a man depend on the world or does the world depend on a man? 2. Are evident man's insignificance and powerlessness in the relationship of the world and a man – or omnipotence of a "little" man? 3. How is achieved omnipotence? How can I change the world? 4. What does it mean to "change the world, changing ourselves"? 5. Why sacrifice and complete commitment of yourself (i.e., surpassing yourself) is not infringement, but is the rise and implementation of my being? How does man's commitment become a way to connect to another and to the world and possibility to influence the other and the world? 6. How to give everything when you have nothing? Dostoevsky answers those questions by all his works – but especially in the "Diary of the Writer," written in 1876–1877. But since the area where is possible to answer these questions has much more "dimension" than that "reality" which is familiar to us, those texts in the "Diary of the Writer," where are the answers, marked with the word "fantastic" or the same genre's definition.

Keywords: philosophy in literary fiction, needs of readers, fantastic, author's concept.

Прежде всего, определим, что имеется в виду под «внутренней» или «имплицитной» философией. Это не то, что можно вычитать/выписать из текста при дискурсивном чтении, не то, что там написано «прямыми словами». Внутренняя философия – это сердцевина повествования, не проявленная в собственно повествовании – или проявленная – и это еще наиболее простой способ – *противоположным* образом. Дело в том, что философия эта рассчитана не на то, чтобы восприниматься «головой», проламываясь сквозь иные, не согласные с ней, осознанные установки и убеждения, внушенные социумом, – или застревая в них, отбрасываясь ими, а на то, чтобы непрямо и ненавязчиво *раскрыть*, словно раскопать из-под множества наносов всегда наличествующий в человеке путь и способ отношения с миром и действия в нем – наиболее эффективный и абсолютно доступный любой личности.

Особый и интересный вопрос, почему социум традиционно блокирует этот путь и способ. Ответ, видимо, состоит в том, что до сих пор главная задача социума (не важно, какого объема: семьи или государства, корпорации или кружка по интересам) была – провести границы между своими и чужими – и сделать для человека принципиально возможными действия в пользу своих *за счет* чужих. (Таким образом, можно сказать, что эгоизм в нас настойчиво социально культивируется, возвращая индивидуальность, я (суть

которого – границы) вместо личности, суть которой – открытость. То, что культивируется *коллективный* эгоизм – в общем, не принципиально.) В то время, как путь отношения с миром, раскрываемый для человека внутренней философией Достоевского, делает абсолютно невозможной работу такого рода культурных установок. В результате чего человек становится практически неподконтролен – или гораздо в меньшей степени подконтролен – социуму.

Существо внутренней философии Достоевского, собственно, заключено в утверждении в качестве основы действий человека в мире личности, а не я.

Имплицитную философию я бы немного отличала от внутренней философии, назвав так ту специфическую установку, что присутствует в каждом слове произведения; то, что проявляется в самом способе обращения художника со словами. И этот способ обращения со словами тоже воздействует на читателя мимо сознания, представляя ему паттерн другого типа взаимодействия, чем тот, к которому он, с большой вероятностью, привык. Это уважительное и ненасильственное взаимодействие, за счет которого слова Достоевского словно обретают другую весомость и невероятную глубину, что неудивительно, ведь автор отказался от того, чтобы заставлять их обслуживать сиюминутные нужды сюжета, ради чего словам неизбежно приходится сжаться,

уплотниться, редуцироваться, оторваться от почти всего пространства своего смыслового поля². Таким образом, имплицитная философия Достоевского, выраженная предельно кратко, заключается в утверждении бесконечной ценности любой личности для любой другой личности³.

Внутренняя философия, таким образом, направлена на смену базовой парадигмы человека, а имплицитная – на встраивание в сознание читателя другого паттерна взаимоотношений между людьми.

Мои наблюдения и попытки анализа жизненной позиции молодых людей XXI века – и того, что им дает и как с их позицией взаимодействует внутренняя/имплицитная философия произведений Достоевского – происходили главным образом в процессе проведения мною в течение уже 20 лет Апрельских юношеских чтений «Произведения Ф. М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» в России и в течение 3 лет – Юношеских Достоевских чтений в Италии⁴.

На основании этих наблюдений я могу говорить, что взаимодействие жизненной позиции современных молодых людей и подростков с внутренней философией произведений Ф. М. Достоевского происходит, в первую очередь, по следующим силовым линиям и возбуждает следующие вопросы:

1. Каковы и как строятся отношения человека с миром. Человек зависит от мира или мир от человека?
2. В отношениях человека с миром очевидны ничтожность и бессильность – или всемогущество «маленького» человека?
3. Чем достигается всемогущество? Как можно изменить мир?
4. Что значит «менять мир, меняя себя»?

² См. об этом подробнее [3].

³ Об одном из нетривиальных вариантов видения этой философской доминанты см. [1].

⁴ Материалы чтений доступны в Интернете, например, здесь: русские чтения – <http://fm-dostoevskiy.narod.ru/txt/totals.htm> и <https://philologist.livejournal.com> по тегу «Старая Русса»; итальянские чтения – <http://www.ilmondoparla.com/materiali>.

Впрочем, эти чтения не закрыты друг для друга и последние три года обмениваются все более крупными делегациями со все более активным участием.

О принципах работы с текстом на Чтениях можно посмотреть [4].

5. Почему самопожертвование и полная самоотдача (то есть выход за пределы себя) – не ущемление, а расцвет и осуществление моего бытия? Как самоотдача становится способом подключения к другому и к миру и возможностью влиять на другого и мир?

И последний, уже совсем практический вопрос (а надо сказать, что подростков интересует именно практика, их вопросы не о том, как думать, а о том, что делать; и мысль, и концепцию мира они воспринимают очень практически, сразу задаваясь вопросом, какие действия, какой способ существования из них следуют – и это, на мой взгляд, самый правильный подход к мыслям и концепциям):

6. Как отдать все, когда у тебя ничего нет?

Эти вопросы не только центральные для художественного творчества Достоевского с самого начала до самого конца, но и «Дневник писателя» он создает, в сущности, для того, чтобы отвечать именно на эти вопросы (см. о «Дневнике писателя» в подобном аспекте [5])⁵. Причем, если в «Дневнике» 1873 года – в ряде статей, опубликованных в журнале «Гражданин», – он пытается говорить на именно эти темы в прямом дискурсе (например, статья «Среда» (21, 13)), то в том настоящем «Дневнике писателя», представляющем собой творческое единство, который выходит как журнал одного автора и получает свое начало в 1876 году, Достоевский вновь, как и в художественных текстах, пишет не наступая, а «отступая» от читателя, позволяя ему *не заметить* главных тем, о которых неизменно идет разговор, оформляя свою философию как «внутреннюю» и «имплицитную».

Именно поэтому, кстати, все основные и глубинные темы «Дневника писателя» высшее и окончательное свое выражение получают в художественных текстах – ибо только художественный текст в полноте обладает способностью такого «отступательного» воздействия на читателя, предлагающего тому возможность доступа и разблокирования глубинных основ его личности – но предлагающего в той форме художественного текста, которая, во-первых, обладает возможностью огромной многослойной концентрации смыслов, несущих освободительный эффект,

⁵ См. также: http://www.e-reading.club/chapter.php/20389/1/Dostoevskii_-_Dnevnik_pisatelya.html.

а во-вторых – обладает возможностью сколь угодно долгого их хранения в «облатке» сюжета⁶, из которого смыслы смогут развернуться, когда наступит для того читательская готовность – или острая ситуативная необходимость.

Интересно, что такой художественный текст, в котором разрешается, достигает своего высшего выражения поставленная в «Дневнике писателя» и прошедшая разные формы выражения мысль писателя, или прямо в жанровом подзаголовке называется автором «фантастическим», или слова с этим корнем маячат в непосредственной близости от текста, в пограничных с ним главах «Дневника...»

Если переход автора от публицистики к художественному тексту дает возможность огромного стяжения смыслов – то переход к «фантастическому» художественному тексту дает возможность *максимального* стяжения смыслов. Фантастическое в этом смысле – как бы *противоположный полюс* публицистического, то, что замыкает и завершает в единство по видимости разобранный, разнообразный и многотемный публицистический мир «Дневника писателя».

Опять-таки интересно при этом, что автор – по крайней мере, в одном случае («Кроткая») – специально оговаривает, что озаглавив рассказ *фантастическим*, он сам находит его *в высшей степени реальным*, а «фантастическое» исключительно в самой форме рассказа, в некоем «техническом» допущении, которое и дает возможность этому в высшей степени реальному рассказу существовать [2, т. 24, с. 5–6].

При этом во втором фантастическом рассказе «Дневника писателя» – в «Сне смешного человека» – также, строго говоря, не происходит ничего фантастического. Там тоже, в сущности, есть лишь «техническое» допущение, к тому же реалистически оправдываемое сном: то, что обычно существует на огромных пространственных и временных дистанциях, посредством сна приближается, становится обозримым. Для нас – и, прежде всего, для героя – становится возможным видеть все самые отдаленные во времени и про-

странстве последствия своих действий – те последствия, что обычно исчезают из виду уже на самой короткой дистанции, как исчезают из виду круги, расходящиеся в воде от брошенного в нее камня. Поэтому слова: «Я развратил их всех», – не болезненное преувеличение, но всего лишь констатация *очевидного* для героя факта.

Почему же, однако, при этом Достоевский называет свои рассказы в «Дневнике писателя» «фантастическими», словно намеренно вводя читателя в необходимость отразиться на этом напряжении между «фантастическим» и «в высшей степени реальным» (выражение, слишком напоминающее знаменитое самоопределение писателя – «реалист в высшем смысле»)?

Здесь нам понадобится контекст – поскольку очень важно, как писатель использует слово, концептуализированное в его творчестве (то есть – ставшее частью его творческой концепции) – особенно, если это контекст того же самого «Дневника писателя». (Заметим при этом, что наличие такого концепта не запрещает писателю употреблять слово и в иных/расхожих на момент написания текста смыслах; слово, являющееся концептом, всегда так или иначе дополнительно маркируется в тексте – хотя бы, например, появившимся авторским рассуждением о нем).

Вот текст «Дневника писателя», прозрачно концептуализирующий слово «фантастический»: «Действительно, проследите иной, даже вовсе и не такой яркий на первый взгляд факт действительной жизни, – и если только вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира. Но ведь в том-то и весь вопрос: **на чей глаз и кто в силах?** Ведь не только чтоб создавать и писать художественные произведения, но и чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника. Для иного наблюдателя все явления жизни проходят в самой трогательной простоте и до того понятны, что и думать не о чем, смотреть даже не на что и не стоит. <...> Но, разумеется, никогда нам не исчерпать всего явления, не добраться до конца и начала его. Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это всё еще пока для человека фантастическое» [2, т. 23, с. 144–145].

Однако прозрачно текст это слово концептуализирует лишь в том случае, когда мы опознаем

⁶ «Облатка» – очень неточное выражение, обозначающее лишь один из аспектов того, чем сюжет является для этих концентрированных смыслов. В другом аспекте его можно назвать, например «мнемоническим приемом» для них.

в нем скрытую цитату. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1,8) – несколько раз говорит о себе Христос в Апокалипсисе. Таким образом, «фантастическими» Достоевский называет те тексты, которые дают глубину «насущному видимо-текущему», *проявляют* (посредством того или другого «технического» допущения) его концы и начала, скрытые в других, неочевидных, хотя в высшей степени реальных, божественных планах бытия. Те тексты, которые проявляют в человеке как Христа, так и его несоответствие Христу – то есть то, что и является истинными причинами всего происходящего в мире.

В сущности – это идеальное определение жанра фэнтези – и *технологически*, то есть – по технике воздействия на читателя, фантастические рассказы Достоевского абсолютно сходны с вершинами современного жанра. И Достоевский, и авторы фэнтези меняют количество и глубину уровней, на которых закладываются причины действий человека в мире. В результате чего, например, самоотдача и жертвенность выводятся не из потребностей социума и его одобрения, служащего жертве наградой за хорошее поведение, но из потребности самой личности в росте и переходе на качественно другой уровень бытия и взаимодействия с миром, – для достижения чего самоотдача является единственным способом и где самоотдача становится самым естественным жизненным действием. И Достоевский, и фэнтези не преподносят читателю нравственные уроки – но раскрывают перед ним пути личного восхождения и преображения – за счет «фантастического» введения в повествование *концов и начал*.

Посмотрим, как Достоевский делает это в самом начале «Дневника писателя», в первом выпуске 1867 года, в котором он очень быстро сообщает, что он не умеет писать предисловия – в результате чего в предисловие, в сущности, превращается весь первый номер. И, действительно, открытую, не «внутреннюю» декларацию того, в чем состоит его направление и убеждения и для чего он собирается издавать «Дневник писателя», Достоевский просто не мог бы себе позволить – как не мог себе позволить в «Бесах» в окончательном тексте воспроизвести свою социальную программу, многократно отчетливо прописанную в черновиках и сводящуюся, в сущности, к двум

словам: «если все Христы...»⁷ – просто по ее «фантастичности».

Убеждения же его заключались в том, что одна развитая личность способна радикально изменить мир, а цель – в донесении до читающих самого наличия этой возможности – и «технических» способов ее реализации. Во внедрении в них, так сказать, этого знания.

Вот один из моментов почти прямой декларации его убеждений и программы: ««Герои, – вы, господа романисты, всё ищите героев, – сказал мне на днях один выдавший виды человек, – и, не находя у нас героев, сердитесь и брюзжите на всю Россию, а вот я вам расскажу один анекдот: жил-был один чиновник, давно уже, в царствование покойного Государя, сперва служил в Петербурге, а потом, кажется, в Киеве, там и умер, – вот, по-видимому, и вся его биография. А между тем, что бы вы думали: этот скромный и молчаливый человек до того страдал душой всю жизнь свою о крепостном состоянии людей, о том, что у нас человек, образ и подобие Божие, так рабски зависит от такого же, как сам, человека, что стал коптить из скромнейшего своего жалования, отказывая себе, жене и детям почти в необходимом, и по мере накопления выкупал на волю какого-нибудь крепостного у помещика, – в десять лет по одному, разумеется. Во всю жизнь свою он выкупил

⁷ Это «все Христы» – действительно лейтмотив черновиков к «Бесам», появляющийся в разных вариантах, но всегда как *единственно возможный способ осуществления реальных социальных преобразований*: «...жертвовать и жертвовать, тогда все взаимно и будут счастливы, ибо предположить, что все Христы» [2, т. 11, с. 106]; «Если б представить, что все Христы, то мог ли быть пауперизм? В христианстве даже и недостаток пищи и топлива был бы спасением (можно не умерщвлять младенцев, но самому вымирать для брата моего)» [2, т. 11, с. 182]; «Христианство компетентно даже спасти весь мир и в нем все вопросы (если все Христы...)» [2, т. 11, с. 188]; «Вообразите, что все Христы, – ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин. Если б люди не имели ни малейшего понятия о государстве и ни о каких науках, но были бы все как Христы, возможно ли, чтоб не было рая на земле тотчас же?» [2, т. 11, с. 193]; «Вот тут труд всеобщий (если б все были Христы) проявился бы с радостным пением, но не афинских вечеров» [2, т. 11, с. 193].

таким образом трех-четырех человек и, когда помер, семье ничего не оставил. Всё это произошло безвестно, тихо, глухо. Конечно, какой это герой, это “идеалист сороковых годов” и только, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим *частным случаем* может побороть всю беду; но все-таки можно бы, кажется, нашим Потугиным быть добрее к России не бросать в нее про все за все грязью”.

Я помещаю здесь этот анекдот (кажется, *со всем не идущий к делу*) лишь потому только, что не имею поводов сомневаться в его достоверности.

И, однако, вот бы нам каких людей! Я ужасно люблю этот комический тип маленьких человечков, серьезно воображающих, что они своим микроскопическим действием и упорством в состоянии помочь общему делу, *не дожидаясь общего подъема и почина* (выделено в тексте мной. – Т. К.)» [2, т. 22, 25].

Нигде не сказав о том прямо – и, наоборот, всячески подчеркнув смешную невозможность такого вывода, Достоевский предлагает читателю совершенно фантастическую мысль, потом регулярно повторяемую на страницах «Дневника...» и окончательно выраженную в «Сне смешного

человека»: нигде и никем не замеченный человек, живущий в согласии со своими глубинными душевными движениями, освобождает глухо и незаметно трех-четырех человек – в результате чего через 20 лет вся Россия в едином порыве уничтожает у себя крепостное право. Человечество – единый организм, подспудно внушает Достоевский читателям – и если одна его клетка перестала жить по навязанному регламенту и начала следовать истинным и глубинным желаниям сердца своего, пожертвовав для этого всем – то через двадцать или через сто лет, или через тысячу веков – но перестроится весь организм, ибо движение начато и не может быть остановлено. Один человек, просто меняя себя в сторону истинного своего бытия и назначения, неизбежно меняет мир и человечество. И – стоит только перестать чувствовать свою нищету и попытаться увидеть нужду другого – у тебя непременно найдется, что отдать. Но об этом Достоевский очень явно написал и в «Преступлении и наказании».

Именно эта внутренняя философия творчества Достоевского оказывается жизненно важна и востребована молодыми людьми начала третьего тысячелетия.

Литература

1. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник». Некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский. Контексты слов: сб. ст. – СПб.: Серебряный век, 2014. – С. 194–204.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
3. Касаткина Т. А. О творческой природе слова. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
4. Касаткина Т. А. О субъект-субъектном методе чтения [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2017. – № 1. – С. 126–144. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_1/Content/Publication6_6531/Default.aspx.
5. Тарасов Б. Н. «Отчет о виденном, слышанном и прочитанном» // Ф. М. Достоевский и современный мир. – М.: ИЦ Москвоведение, 2013.

References

1. Ashimbaeva N.T. Dvoynik ili “zasluzhennyy sobesednik”. Nekotorye voprosy poetiki Dostoevskogo v svete vzglyadov A. Ukhtomskogo na cheloveka i ego otnosheniya s okruzhayushchim mirom [“Double” or “Honored Interlocutor”. Some questions of Dostoevsky’s poetics in the light of A. Ukhtomsky’s views on man and his relationship with the surrounding world]. *Dostoevskiy. Konteksty slov: sbornik statey [Dostoyevsky. Contexts of words. Collected papers]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2014, pp. 194-204. (In Russ.).
2. Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Complete works in 30 volumes]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.).
3. Kasatkina T.A. *O tvoryashchey prirode slova [On the creative nature of the word]*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004.
4. Kasatkina T.A. O sub”ekt-sub”ektnom metode chteniya [About the subject-subject method of reading]. *Novyy mir [The New World]*, 2017, no. 1, pp. 126-144. (In Russ.). Available at: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_1/Content/Publication6_6531/Default.aspx.
5. Tarasov B.N. “Otchet o vidennom, slyshannom i prochitannom” [“Report on the seen, heard and read”]. *F.M. Dostoevskiy i sovremennyy mir [F.M. Dostoyevsky and the modern world]*. Moscow, ITs Moskvovedenie Publ., 2013. (In Russ.).